

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО - ВО ВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
Л Е Н И Н

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ
И ИССЛЕДОВАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · М О С К В А · 7 · 3

что вот она дала ему свой адрес, а он, по своему обыкновению, по неосторожности, вынул и таким образом чуть-чуть не выдал свою тайну мне. Особенно меня поразило то обстоятельство: зачем ему было так вырывать от меня записку, если он не боялся мне показать эту записку. Значит, ему не хотелось показать записки, значит, ее не следовало мне показать. Меня это до такой степени поразило, что я начала плакать, да так сильно плакала очень редко, я кусала себе руки, сжимала шею, плакала и просто не знала, боялась, что сойду с ума. Мне было до такой степени больно подумать, что вот человек, которого я так сильно люблю, и этот человек вдруг изменяет мне. Я решила непременно завтра идти, идти по адресу и узнать, кто живет именно там, и если бы я узнала, что там живет известная особа, то я непременно бы сказала об этом Феде, тогда, может быть, мне бы пришлось уехать от него. Но до завтра еще оставалось довольно много времени, я ужасно как мучилась. Я плакала бог знает как и страдала невыносимо. Одна мысль об этой подлой особе, которая меня, вероятно, не любит, что она способна нарочно ему отдаться для того, чтобы только насолить мне, зная, что это будет для меня горько, и вот теперь, должно быть, это действительно и случилось, и вот они оба считают, что могут обманывать меня, как прежде обманывал Марию Дмитриевну³⁴.

Пришел Федя и ужасно удивился, увидя, что я плачу, сначала он спрашивал причину, но я была так огорчена, что очень грубо ему отвечала, просила оставить его* в покое и продолжала плакать. Успокоиться я не могла, так мне было горько. Федя начал браниться и как-то сказал, что он был просто франирован, когда я бросилась к нему, чтобы вырвать от него записку, что это была записка, данная ему закладчиком, т. е. адрес другого закладчика и проч. Вообще он ужасно как на меня рассердился. Это меня еще больше <рассердило?>, потому что нет ничего хуже, когда человек раздражен или расстроен, и вдруг ему начинают говорить колкости и смеются над ним.

Я стала писать письмо к Ване, хочу его поскорее отправить и просить его узнать, там ли известная госпожа³⁵, узнать наверное, может быть, она уж оттуда уехала. Потом, когда я заснула, Федя не пришел ко мне прощаться. Вот это так было очень дурно с его стороны, неужели он не может быть снисходителен ко мне, когда он знает, что я в таком положении, право, должен бы был быть ко мне гораздо милостивее. Потом, когда мы на другой день помирились, то Федя мне объяснил, что мы поссорились оттого, что ходили на конгресс мира. Да и вообще на этом мирном конгрессе гораздо больше было ссор, и провозглашали все ораторы не мир, а войну. Ночь я спала дурно, ночью проснулась и думала: что-то решит завтрашний день, неужели завтра будет для меня несчастье, неужели она здесь, неужели все мое счастье рушилось? Господи, я, кажется, умру, если это так будет.

Четверг 12 <сентября>/31 <августа>. Сегодня утром я отправилась сначала к почте, и думала как бы поднять целые лоскуточки, чтобы узнать номер дома, в котором живет Blanchard, а оттуда думала идти искать и разыскать непременно, кто именно там живет. Зашла я на почту, получила здесь письмо от Маши³⁶ <...> Прочитав на почте письмо, я отправилась искать дом на rue de Rive, это у того самого места, где мы постоянно обедаем. Я спросила у какой-то магазинщицы, и она мне сказала, что на углу улицы есть дом, в котором живет Blanchard, портниха. Я отправилась и действительно нашла и портниху и ее мужа*. Я вошла

* Так в тексте.

или к 15 октябрю, т. е. их стилия, но не раньше, а что будет 27 октября нашего стилия, а теперь только 1-е, следовательно, чем же мы проживем эти все дни, я решительно, право, не знаю. Что же до моих золотых вещей, которые заложены в Бадене, то об этом теперь и говорить нельзя, потому что нечем послать. Я и теперь предлагала Феде, чтобы послать туда деньги, вещи оттуда пришлют, и тогда их здесь заложить, уж если не 120, то по крайней мере 100-то франков дадут. Но он не согласился; что же делать, надо покориться, хотя мне очень и очень жаль, если придется потерять эти вещи, а что придется, так это уж наверно, про это и говорить нечего; я даже предлагала, чтобы Федя теперь выкупил, а что тогда я попрошу маму прислать мне деньги на выкуп и выслать ей эти вещи, чтобы она могла мне их заложить. Но Федя все не хотел, а теперь они и пропали. Ведь я права, и у меня также нет решительно никаких украшений, были только одни эти серьги и брошь, но теперь и их нет. Вот они что значит, подарки-то; а когда я дождусь новых серег, ведь этого уж решительно никогда не будет⁵⁶. Прежде надо будет одеть всю эту поганую орду, а потом уже надеяться себе что-нибудь завести. Надо прежде долги все отдать и этих подлецов успокоить, а тогда только покупать себе вещи. Ах, боже мой, как это все скверно*, ну да что же делать, разве я думала прежде, что это так будет, ведь должен был сам очень хорошо это знать, следовательно, мне и печалиться об этом теперь решительно нечего. Федя все еще думает отправиться; но так как, когда мы разговаривали, то он заявил даже, что должен выиграть несколько тысяч, то это меня решительно убеждает, что он ни гроша не выиграет, мы опять будем бедствовать. Я не старалась его особенно уговорить ехать, у меня даже есть какое-то предчувствие, что поездка окончится худо, т. е. проигранием. Но что тут делать, ведь его не разубедишь.

Сегодня он начал программу своего нового романа; записывает он его в тетради, где было записано «Преступление и наказание»⁵⁷. После обеда, когда Феда нет дома, я всегда прочитываю, что он такое записал, но, разумеется, ни слова не говорю ему об этом, потому что иначе он бы на меня ужасно как рассердился. Зачем его сердить, право, мне не хочется, чтобы он прятал от меня свои тетради, лучше пусть он думает, что я решительно ничего не знаю, что такое он делает. Понятно, что человеку очень неприятно, если читать то, что он написал нагрязно. Когда мы пришли домой, то Федя сказал, что мы довольно хорошо живем друг с другом, что он даже не ожидал такой спокойной жизни, как здесь, что мы очень редко ссоримся, что он счастлив. Вечером, когда он прощался, то сказал, что если он умрет, то чтобы я его вспоминала хорошим и думала о нем. Я просила его не говорить так, потому что это меня всегда ужасно как беспокоит. Тогда он сказал: «Нет, зачем умирать, разве можно оставить такую жену, нет, для нее нужно жить непременно». Он нынче меня называет «М-ше Достоевская», и я очень люблю это слушать, когда он это говорит. Потом вечером у нас обыкновенно идут разговоры; так, вчера мы говорили о Евангелии, о Христе, говорили очень долго. Меня всегда радует, когда он со мной говорит не об одних обыкновенных предметах, о кофе, да о сахаре, а также, когда он находит меня способной слушать его и говорить с ним и о других, более важных и отвлеченных предметах. Сегодня мы говорили о его прежней жизни и Марии Дмитриевне и толковал, что ей непременно следует поставить памятник. Не знаю, за что только? Федя толковал, что его похоронят в Москве, но так решительно не будет.

Среда 2 (октября)/20 (сентября). Сегодня я хватилась и увидела, что у нас нет чаю, Федя еще спал, а я отправилась покупать чаю, купила по 3 франка за полфунта. Мы брали постоянно по 4 франка, но вот я уж

решилась их выдать за деньги, полученные за рубашки, чтобы потом, когда у нас будут деньги, получить их назад. В случае нужды опять их дать Феде или дать в виде полученных от залога платьев, потому что мне так больно закладывать мои платья, просто ужас). Пока он спал, я сходила на почту и отнесла маме письмо, в котором умоляла ее непременно прислать мне 25 рублей, откуда она хочет их взять, да прислать. Когда Федя проснулся, я отдала ему деньги, 12 франков, и сказала, что взяла на месяц. Вечер прошел ужасно грустно, до невыносимости грустно, тоска страшная, и одна мысль терзает меня, все постоянно одна только мысль о проигрыше приходит мне на ум, от нее я решительно не могу отвязаться, вот опять, думаю, надо написать и умолять Каткова, опять унижаться, опять злоупотреблять его к нам добротой; ведь он нас хорошенько не знает, он может о нас подумать, как о людях, которые неблагодарны и злоупотребляют его доверенностью к нам.

Вторник 8 <октября> / 26 <сентября>. Ночью в 10 минут 3-го я почему-то проснулась и вдруг слышала, что с Федей сделался припадок. Мне показалось, что он был мал, но Федя говорил мне после, что он себя очень дурно чувствовал и, следовательно, припадок был из сильных. Через 10 минут Федя уже пришел в себя и говорил со мной, но очень долго не мог припомнить, что это такое за Саксон ле Бен и где он там был. Это его очень мучило, что припомнить он того не может, наконец, кажется через полчаса, кое-как насилу припомнил. Потом мы заснули, он предложил, не хочу ли я заснуть у него на постели, я легла, но он спит ужасно как скорчившись и все ударял меня коленями в живот. Я очень боялась, что засну, а он во сне толкнет меня и я могу слететь с постели. Я только что капельку заснула, как действительно он меня довольно сильно толкнул, тогда я перешла на свою постель<...> Господи! какой опять сегодня день был грустный, я только о том и молила бога, чтобы как-нибудь день поскорее прошел, такой он был мрачный и скучный, и все одни только печальные мысли приходили на ум.

День был дождливый, тоскливый, Федя от обеда пошел в кофейню читать газеты, а я, несмотря на дождь, отправилась на почту и получила там письмо от мамы. На этот раз оно было франкованное, мама извинялась, что писала, не франкуя, сказав, что Маша сказала, будто бы эдак скорее доходит. Милая мамочка писала, что она стала очень старая и очень поседела, бедная моя старушка, как мне ее стало жалко. Я была очень рада письму и, придя домой, опять прочитала его. Тут только я заметила ее выражение насчет доверенности, меня это так сильно поразило, что я ужасно как расплакалась и очень долго плакала. Вообще как вчера, так и сегодня я ужасно как раздражена и расстроена, все меня волнует, все меня мучит, так что я весь день вчера и сегодня плакала; особенно на меня письмо это подействовало, так что я плакала, кажется, с час. Пришел Федя, я ему сказала про письмо и сказала, что оно для меня живой упрек; потому что я должна была пожертвовать собой, что я обязана была жить с нею, а я ее бросила и за то мне и счастья не будет. Федю это несколько обидело, хотя я вовсе не хотела его ничем обижать. Потом я прочитала ему письмо, в котором мама говорит, что она так была рада получить его драгоценное письмо⁶⁶. Это его польстило. Вечером он меня бранил, зачем я не иду к бабке, говорил, что этого он понять не может, что ребенок через это может умереть, что это вовсе я его не люблю, и ужасно настаивал на том, чтобы я пошла к доктору. Я ему отвечала, что потому только не иду, что у нас денег нет, а что я бы и сама желала успокоиться и увериться, что все идет благополучно. Вечером я несколько спала, потом после чаю, когда я лежала в постели, Федя мне рассказывал про свою прежнюю жизнь, про Марию Дмитриевну, про ее смерть. Она умерла в 6 часов вечера, он

Handwritten steno-graphic text in Cyrillic script, including the following legible fragments:
 ... mais c'est très singulier ...
 ... quand on se couche ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...

СТРАНИЦА ИЗ СТЕНОГРАФИЧЕСКОГО ДНЕВНИКА А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ.

11 октября/29 сентября 1867 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

все сидел у нее, потом вдруг ему сделалось скучно и он пошел на минуту к Ивановым ⁶⁷, пробыл у них не более 5 минут и, когда пошел домой, то к нему прибежали и сказали, что она кончается. Когда он подошел к дому, дворник сказал, что она уже умерла. Перед смертью она причастилась, спросила, подали ли Федору Михайловичу кушать и доволен ли он был, потом упала на постель и умерла. Потом он рассказывал про ее последнее время, что ей уже года за 3 до смерти представлялись разные вещи, виделось то, чего вовсе и не было. Например, представлялся какой-нибудь человек и она уверяла, что такой человек был, между тем решительно никого не было. Перед его отъездом * в Петербург ⁶⁸ она выгоняла чертей

* Может быть: приездом.

диктовать. Утром от него я отправилась к Сниткиным, у которых осталась обедать, а после обеда принялась писать, чтобы вечером отнести продиктованное <...> Когда пробило 8 часов, отправилась к Феде. В комнате у него было полутемно по обыкновению, потому что 2 свечи, стоявшие на его письменном столе, не могли вполне осветить ярко всей комнаты; но мне по вечерам эта комната удивительно как-то нравилась, или потому это было, что уж и Федя начинал мне тогда нравиться и мне было <всегда?> приятно говорить с ним. Он сидел за письменным столом и тотчас встал, когда я вошла; я села на свое обыкновенное место за его стол *, а он поместился напротив меня, и мы начали разговаривать. В этот вечер диктовали мы очень мало, а все больше говорили, и все о разных, разнообразных предметах; опять были рассказы о загранице, о разных наших литераторах, бранил он Петра Великого, которого просто считал своим врагом и теперь винил его в том, что он ввел иностранные обычаи и истребил народность. Потом толковали о том, что у него в жизни будет 3 случая: или он поедет на Восток, или женится, или же, наконец, поедет на рулетку и сделается игроком. Я сказала, что если уж что выбирать, то, конечно, пусть женится.

— А вы думаете, что я не могу еще жениться? Вы думаете, что за меня никто не пойдет?

Я отвечала, что этого решительно не думаю, а скорее думаю, что решительно напротив.

— Скажите же, какую же выбрать: умную или добрую?

Я отвечала, что возьмите умную.

— Нет, если уж взять, то возьму добрую, чтобы любила меня.

Опять много очень расспрашивал про меня, про мою семью и очень часто во всю эту неделю повторял разные вопросы, на которые я ему уж несколько раз отвечала, но так как у него очень плохая память, то он скоро это забыл и потом снова меня спрашивал. Рассказал о своих долгах, о неблагодарности семейства своего брата, как оно рассказывает, что будто бы дядя промотал их состояние, что у них было оно большое, а все пропало через дядю; как жених, дочь и мать собирали совет, желая отстранить его от дела, а когда он сам отстранился, то мать же пришла просить, чтобы он ее не оставил, а опять начал бы помогать, как это было и прежде. Говорил, что он после смерти брата начал один издавать журнал и положил на него 10 тысяч рублей, которые взял от тетки, назначенные ему по завещанию, а когда журнал не пошел, то деньги его лопнули и ему пришлось еще взять на себя ужасно много журнального долга и долга его брата ¹⁹¹. Что в 63-м году, когда он принужден был заключить этот контракт с Стелловским (по которому он и обязался написать этот роман), то из полученных за это 3 тысяч отдал за долги 2 тысячи, потом в продолжение зимы отдал еще долг на 1000 рублей, а теперь еще осталось у него тысяч на 10 долгу; но именно из них он намерен сделать * 2-е издание своего нового романа «Преступление и наказание», рассказал он про Корвин-Круковскую, говорил, что это очень прекрасная девушка, что она недавно уехала, теперь за границей и он недавно получил от нее письмо ¹⁹². Рассказал о Москве, о своих многих родственниках, о Сонечке, Мусиньке, Юлиньке и о Елене Павловне, которую он представил за ужасную страдальницу и за удивительно нежную и добрую и <умную?> (потом, когда мне пришлось увидеть ее, она мне вовсе не показалась такой, так что я решительно думаю, что он это придумал ¹⁹³). Рассказывал про каторгу, про Петропавловскую крепость, про то, как он переговаривался с другим<и> заключенным<и> через стенку и про очень, очень многое. Тут он мне в первый раз сказал, что он был женат и что жена его умерла, что она была

* *Может быть*: у его стола.

страшная ревнивица, и показал мне ее портрет. Право, она мне очень не понравилась, какая-то старая, страшная, почти мертвая. Правда, он говорил, что она снималась за год до своей смерти и потому такая страшная. Мне она ужасно как не понравилась, и мне по первому взгляду показалось, что, должно быть, она очень злая была и раздражительная; по его рассказам это видно тоже, хотя он и говорил, что был с нею счастлив. Но в это время говорит о своих изменах ей; если бы уж любил ее, то ничего не стал бы изменять, а что это за любовь, когда при ней возможно любить и другого человека, да не только одного, а нескольких.

Вечер для меня прошел удивительно как приятно, так что, мне кажется, он останется навсегда в моей памяти, как один из самых лучших и хороших дней в моей жизни. Диктовали мы действительно уж слишком мало, а все больше толковали так дружно, так хорошо, что мне просто уходить не хотелось. Так я просидела до 11 часов, он мне дал с собой том своих сочинений для того, чтобы я переписала одну страницу, чтобы могли рассчитать, сколько в листе Стелловского моих страниц. Я пришла к Сниткиным <...> Маша Андреева и Саша тотчас начали меня расспрашивать про него, какой он, что говорил сегодня со мной, о чем, как я отвечала, и пр. и пр. Потом мы начали читать повесть <Феди?> о крокодиле, про которую Саша сказала, что это было написано на Чернышевского, а что дама, выставленная тут, — жена Чернышевского ¹⁰⁴ <...>

Понедельник 21/9 <октября> Сегодня утром мы примирились с Федей, но все-таки еще не совсем, утром я отправилась на почту, вполне уверенная, что получу от мамы деньги. Но ужасно испугалась, когда мне сказали, что на мое имя ничего нет <...> Когда я сказала Феде, что деньги еще не пришли, то он меня начал успокаивать, что это еще ничего, что, вероятно, деньги завтра придут. Пошли обедать, и сегодня был такой превосходный обед, какой редко бывает, просто чудный, вкусный, разнообразный и с прекрасным виноградом. После обеда Федя пошел читать в кафе, а я пошла погулять немного по городу <...> Придя домой, я начала писать письмо к Анне Ивановне Майковой ¹⁰⁵, Федя завтра думает ей послать и Аполлону Николаевичу, мне и хотелось тоже вложить свое письмецо к Анне Ивановне, потому что я ей обещала писать, а в продолжение целого полгода никак не могла собраться. Потом Федя пришел за мной и мы пошли гулять. Шли, разумеется, по нашей обыкновенной улице Courterie, гуляли по саду и встретили здесь Огарева; он куда-то спешил, но увидел нас и раскланялся; Федя говорит, что он его всегда видит в кофейной, попивающим кофе с коньяком, от чего все они какие-то пьяненькие. Федя был сегодня удивительно как весел и все острил и шутил; мы с ним гуляли и заглядывали во все магазины, особенно в те, где продаются шляпы, и Федя все выбирал, какую именно мне купить <...> Пришли домой и много разговаривали друг с другом очень дружно. Федя мне говорил, что я у него славная жена.

9 октября прошлого года <...> Хотя я и обещала Феде быть к нему сегодня, но так как было уже 5 часов, я была ужасно уставши, то я и решила на этот раз не ходить; мне так хотелось посидеть и поговорить с мамой, поговорить о нем. Не знаю почему, но мне казалось, что он на мне непременно женится, я даже почему-то боялась, чтобы он даже вчера мне не сделал предложения, таким он мне показался странным; я не знаю, как бы я тогда на это и ответила, мне кажется, я бы сказала, что слишком мало его знаю, чтобы выйти замуж, но что пусть он даст пройти несколько времени и когда я его несколько узнаю, то, может быть, и пойду за него. Какой я тогда провела вечер с милой мамочкой, как она мне была рада и как я была рада ей, господи, боже мой, и теперь припомнить, так как-то радостно на душе станет <...>

Было довольно еще рано, когда я пришла в булочную купить пирог, он стоял один франк, небольшой, но свежий и чрезвычайно вкусный, облитый каким-то розовым веществом, булочница мне сказала, будто бы этот пирог есть произведение Женевы, но мне что-то не верится, вероятно, такой же пирог отличный можно найти и везде. Я успела прийти домой еще до того времени, пока Федя проснулся, потом в 10 часов я его разбудила, заварила кофей, и он встал. Встал он довольно весело, и когда сел за стол, то хотя и заметил пирог, но ничего мне не сказал, а говорит, что подумал: «К чему это она так раскутилась, денег мало, а она пирог покупает». Тут я ему сказала, что разве он не знает, что он сегодня рожден, он сначала мне не поверил, а потом сказал, что ведь и в самом деле это так. Я сказала ему, что так как он мне недавно говорил, что в день рождения у него всегда был пирог с клубникой, то мне хотелось, чтобы и в этот день был у нас пирог. Он, кажется, с большим удовольствием ел его, потому что он действительно был вкусный. Стали мы рассчитывать, сколько ему теперь лет, родился он в 22-м году, следовательно, 45, а он тогда в Москве, сердя Машеньку ^{ше}, говорил, что ему всего только 43 года, та ужасно как на него сердится и бранит, зачем он себе уменьшает года. Так мы завтракали, я ему папиросницу не показала, а поставила ее на стол, чтобы он мог сам ее увидеть, потому что, что мне было лезть с таким незначительным подарком вперед. Когда он начал зажигать печку, то зачем-то подошел к своему столу и, увидев папиросницу, сказал: «Что это такое? Это что значит?» Я отвечала, что это ему подарок. Он снял, стал смотреть, сказал, что это хотя не так хорошо сделано, но что все-таки очень хорошо, и в заключение поцеловал край папиросницы. «Где же ты взяла деньги, ведь это дорого стоит?» Я отвечала, что деньги прислала мне мама, еще 3 рубля исключительно на подарок, как я у нее и просила. «Ах ты подлая, ах ты подлая, — продолжал он меня ругать, — ведь надо же было подарить». Вообще видно было, что ему было очень приятно, что я ему подарила. Мне вовсе не хотелось ничего не подарить ему, потому что он постоянно говорит, что ему в именины и рождения обыкновенно Марья Дмитриевна дарит разные вещи, ну а почему же я-то отстану от того обычая. Он несколько раз называл меня подлой, но, разумеется, чрезвычайно ласково и добро. Вообще утро у нас прошло чрезвычайно дружно.

Деньги у нас сегодня выходили, так что непременно нужно было идти сегодня заложить кольцо. Феде ужасно как не хотелось идти к прежним <...>, потому что они чрезвычайно <дурные?> люди, я ему предложила свести эти вещи к Сеге, который, вероятно, больше даст, но так как у него закрывают от 12 часов, то я и пошла эдак в половине 2-го. Пришла к нему, его кухарка сказала, что следует прийти через час, потому что теперь контора закрыта. Я все время ходила по улицам, дожидаясь половины 3-го, когда я могу наконец видеть его. Когда я пришла, контора была уже опертая, у него стояла какая-то женщина и упрашивала его подождать еще с месяц. Когда он кончил с нею дело, я ему подала кольца, он их свесил, и спросил, сколько мне под них нужно, я отвечала, что они были заложены на 35 и что мне хочется 35. Он отвечал, что в них золота на 32 франка, следовательно, 35 дать не может, а даст 30, я и этому была ужасно как рада, потому что тот <...>, где был Федя, давал сначала 24, а потом 20, каждый раз сбавляя, так что, вероятно, отнеся к ним еще раз, они дали бы не 20, а пожалуй 15, да еще с глушостями. Он дал мне 30 франков и записку с сроком на месяц. Я очень радостно вышла, пошла купить чаю и себе курицу, потому что опять решила(сь) обедать дома, это и дешевле, да и горло по крайней мере не сожжет. Но я так долго проходила, что когда пришла, Федя был уже одет и дожидался моего прихода, чтобы идти обедать. Он был очень рад, что я принесла 30 франков, и даже похвалил Сеге, потом ушел обедать; перед его уходом к нам пришел небольшой трубочист * пье-

монтед, небольшой мальчик лет 11, с очень веселой и смеющейся физиономией. Мы с ним разговаривали и потом, когда Федя ушел, и его расспрашивала о его занятии <...> Сажу у нас накопилось ужасно много, и теперь, по крайней мере, Федя не будет беспокоиться и говорить, что у нас может случиться пожар. Деньги он принял, кажется, радостно. Потом пресмешно взвалил себе огромный мешок с сажой на плечи и ушел от меня. Пресмешной мальчик, мне было, право, ужасно жаль его, слыш(к и)-то, вероятно, нет нисколько, а должен работать.

Вечером Федя пришел за мной после обеда, и мы отправились за письмами. Сегодня пришло письмо от Феде, но в нем ничего не было сказано о присылке Катковым денег. Дорогой мы поссорились с ним и, кажется, из-за самой глупой причины: дело в том, что Федя нынче удивительно как охает постоянно, то ему холодно, то ему кажется какой-то запах в кухне, одним словом, он ужасно как надоедает нашим старухам, жалуясь им постоянно на это. Вот и сегодня, когда мы собрались уходить, он зашел в кухню и там бранил старух за запах, ну, что бедным старухам делать, разве они в этом виноваты, а он им говорит. Я его начала торопить, чтобы он шел, вот когда мы вышли, то он и начал меня бранить, зачем я не могла подождать, что я всегда, когда захочу, то непременно, чтобы по-моему было, одним словом, у нас эта глупая история продолжалась ужасно долго. Я наконец рассердилась и сказала, что, вероятно, ему хочется, чтобы его ругали подлецом, мерзавцем, тогда он будет доволен, потому что когда его не ругают, то вот он теперь пристаёт и напрашивается на ругательства. Он отвечал, что его никто так не ругал, я отвечала, что ведь Марья Дмитриевна его и каторжником ругала.

«Ругала она и хуже, но ведь все знают, что она из ума выжила, как говорят в народе, что она была полоумная, а в последний год и совсем ума не было, ведь она и чертей выгоняла, так что с нее спрашивать».

Должно быть я очень зла, потому что мне было несколько приятно, что он так отозвался об этой женщине, которую он, бывало, постоянно ставил мне в пример. Но вечером потом мы кое-как помирились, да и стоило ли сердиться из-за таких пустяков.

В тот же день в прошлом году у меня, как я сказала, ночевали Андреева и Ганецкая¹²⁰ и мы, кажется, эдак часов в 12 отправились из дому, хотя я все еще не успела закончить переписывать продиктованное Федей вчера <...> Потом я проводила Машу Андрееву почти до дому и отправилась к Феде, у которого диктовали в этот день в последний раз. Завтра надо было отнести написанное. Уходя от него, мне было почему-то ужасно как грустно, так же как и весь остальной день.

Вторник 12 <ноября>/31 <октября>. Сегодня погода превосходная, теплая, без ветра, я вздумала воспользоваться ею, чтобы несколько прогуляться. Федя, разумеется, был рад, когда я пошла погулять, он всегда стоит у окна и смотрит, как я выйду на улицу, мне это очень нравится, я люблю такое внимание с его стороны, а когда он уходит один обедать, а я остаюсь дома, то я, в свою очередь, стою у окна и смотрю, когда он войдет, сначала по нашей улице, а потом далеко по мосту. Он хотя ничего не видит, но непременно остановится на мосту и поклонится мне, что мне очень <приятно?>, и я бываю ужасно рада, что все-таки он вспомнит, что оттуда можно увидеть наши окна и вспомнит обо мне <...> Воротилась домой, но пришла до такой степени усталая и бледная, что даже это и Федя заметил. Устала я действительно чрезвычайно, так что, кажется, ни за что бы никуда больше не пошла. Федя пошел обедать, а я осталась дома обедать моим цыпленком и после обеда села писать письмо к Александре Павловне¹²¹, которой я уж раз написала, но так давно и так долго собиралась послать его, что оно вышло старым и мне пришлось переписывать его, но

намерены видеть уважение к нашим свободам и особенно нашим религиозным свободам...» («Annales du Congrès de Genève», Genève, 1868, p. 203—204).

Гарибальди, однако, уехал не вследствие этого конфликта: его отъезд был заранее намечен на 11 сентября (J. G u i l l a u m e. L'Internationale. Documents et souvenirs, t. 1. Paris, 1905, p. 52). Огарев писал об этом Герцену: «На конгрессовке президентом выбран был Гарибальди, два дня был, раз говорил — тоже общие места, на 3-й день уехал. Слухи ходят, будто его швейцарское правительство попросило уехать. Не знаю, кто пустил это в ход по городу, но сомневаюсь в истине, ибо накануне сам Гарибальди <...>говорил мне, что он просто не может дольше остаться, потому что некогда» («Лит. наследство», т. 39-40, стр. 470—471). Реакция Достоевского («Видел и Гарибальди. Он мигом уехал». — «Письма», II, стр. 38) и его жены — отражение этих слухов.

³⁰ В заседании Конгресса 11 сентября, на котором присутствовали Достоевские, председательствовал бернский адвокат Жолиссен, избранный президентом Конгресса. В первой половине заседания выступали деятели I Интернационала У. Р. Кример и Д. Оджер; Карл Фогт прочел на французском и немецком языках «Dix articles contre la diette» немецкой писательницы Фанни Левальд-Стар, затем два делегата-итальянца — Ченери и Гамбуччи — выступали против папства. Бурная реакция зала, превратившая заседание, произошла как раз после речи Гамбуччи («Annales du Congrès de Genève», p. 222). О выступлении Гамбуччи см. также письма Огарева к Герцену 12 сентября 1867 г. («Лит. наследство», т. 39-40, стр. 470). Затем Ш. Л. Шассен предложил проект резолюции (J. G u i l l a u m e. Указ. соч., стр. 55). Дальнейшей дискуссии Достоевские, вероятно, уже не слышали.

Из записи о посещении Конгресса Достоевскими 11 сентября ясно, что они не слышали и не могли слышать выступления Бакунина: он выступал на Конгрессе один раз, 10 сентября.

³¹ Аполлинария Прокофьевна *Сусллова* (1839 или 1840—1917 или 1918), писательница. О ее отношениях с Достоевским см.: А. П. Сусллова. Годы близости с Достоевским. М., 1928; А. С. Д о л и н и н. Достоевский и Сусллова.—«Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы», Сб. 2.

³² В мае 1867 г. в Дрездене, в то время, когда Достоевский уехал на рулетку в Гомбург, А. Г. Достоевская получила адресованное ему письмо Суслловой и, узнав почерк, прочла его. Это был ответ на письмо Достоевского 23 апреля/5 мая 1867 г., в котором он извещал Сусллову о своей женитьбе («Письма», II, стр. 3—5). По возвращении Достоевского жена отдала ему письмо: «За чаем он спросил, не было ли ему письма, и я ему подала письмо от нее. Он или действительно не знал, от кого письмо, или притворился незнающим, но только едва распечатал письмо, потом посмотрел на подпись и начал читать. Я все время следила за выражением его лица, когда он читал это знаменитое письмо. Он долго, долго перечитывал первую страницу, как бы не будучи в состоянии понять, что там было написано, потом, наконец, прочел и весь покраснел. Мне показалось, что у него дрожали руки. Я сделала вид, что не знаю, и спросила его, что пишет Сонечка. Он ответил, что письмо не от Сонечки, и как бы горько улыбнулся» («Дневник», стр. 48).

³³ Мария Михайловна *Андреева*, подруга А. Г. Достоевской.

³⁴ Мария Дмитриевна *Достоевская* (урожд. Констант, в первом браке Исаева, 1825—1864), первая жена писателя.

³⁵ Иван Григорьевич *Сниткин* (1849—1887), брат А. Г. Достоевской, в 1867 г.—студент Петровской сельскохозяйственной академии в Москве. А. П. Сусллова в 1867—1868 гг. жила, вероятно, в Москве, так как в 1868 г. сдала при Московском университете экзамен на звание учительницы. Адрес Суслловой в Москве А. Г. Достоевская узнавала через брата еще раньше, во время пребывания в Дрездене и Бадене («Дневник», стр. 267).

³⁶ Мария Григорьевна *Сватковская* (урожд. Сниткина, 1841—1872), сестра А. Г. Достоевской, жена цензора Петербургского цензурного комитета Павла Григорьевича Сватковского.

³⁷ Plainpalais—поле для военных маневров в центре Женевы на левом берегу Роцы.

³⁸ Известна встреча Достоевского с Герценом на пароходе во время путешествия по Италии вместе с Суслловой в 1863 г. (по пути из Неаполя в Ливорно 13 октября 1863 г.). Герцен был на пароходе с дочерьми и М. Мейзенбург. Об этой встрече см.: А. П. Сусллова. Указ. соч., стр. 65 и настоящ. тома стр. 85. Встреча Достоевского с Огаревым на пароходе неизвестна. Очевидно, А. Г. Достоевская не совсем поняла рассказ мужа.

³⁹ Статья «Знакомство мое с Белинским», см. примеч. 4.

⁴⁰ Письмо А. Н. Майкова 27 августа не опубликовано (ЛБ, ф. 93, II, 6. 42, л. 1—2).

⁴¹ Эмилия Федоровна *Достоевская* (урожд. Дитмар, 1822—1879), вдова М. М. Достоевского.

⁴² *Saxon les Bains* (Saxon les Bains) — курортный городок в нескольких часах езды от Женевы, где находилась рулетка.

стоит дата 14 сентября, а затем, вписанная Достоевским позднее помета: «14 сентября. 22 октября» (ЦГАЛИ, ф. 212, оп. 1, ед. хр. 5, стр. 26). Возможно, что замеченная А. Г. Достоевской интенсивная работа писателя началась именно 19 сентября, хотя такой даты в сохранившихся материалах к «Идиоту» нет. Заслуживает внимания тот факт, что уже в этом раннем дневнике А. Г. Достоевская точно отмечает, в какой именно тетради находятся записи к новому роману.

⁵⁸ Музей, содержащий коллекцию произведений искусства, принадлежавшую генералу русской службы, женецу по происхождению, подарен городу Женеве его сестрами (K. V a e d e k e r. La Suisse et les parties limitrophes. Leipzig, 1893, p. 229—230).

⁵⁹ Софья Александровна *Иванова* (в замужестве Хмырова, 1846—1907), племянница Достоевского.

⁶⁰ Вероятно, Николай Иванович *Соловьев* (1831—1874), врач; литературный критик, сотрудничавший в журнале «Эпоха».

⁶¹ См. письмо Достоевского к жене 5 октября («Письма», II, стр. 41).

⁶² Обстоятельства этой поездки Достоевского в Саксон-ле-Бен были описаны им в письме 6 октября, не полученном еще А. Г. Достоевской к моменту его возвращения («Письма», II, стр. 42).

⁶³ К этому времени Достоевский был уже в большом долгу у редакции «Русского вестника». В начале 1867 г. Катков, у которого Достоевский взял до этого аванс под роман «Преступление и наказание», согласился выдать ему новый аванс в тысячу рублей. Этой суммой Достоевский обеспечил на некоторое время своих родных, сам же уехал с молодой женой за границу на деньги, полученные от заклада домашних вещей и ценностей. За границей, еще до приезда в Женеву, Достоевский дважды получал деньги из «Русского вестника» («Воспоминания», стр. 136—144, 161, 164). О долге Достоевского «Русскому вестнику», накопившемся к марту 1868 г., несмотря на начавшееся уже печатание «Идиота», см. в «Заявлении» Достоевского: «Заявляю, кроме того, что я взял в редакции „Русского вестника“ от издателя этого журнала в Москве до пяти тыс. руб. в продолжение прошлого 1867 и в нынешнем 1868 году» («Письма», IV, стр. 329). Из этого долга Достоевский выплатил к моменту составления «Заявления» (первой частью «Идиота») только 1900 руб.

⁶⁴ О проигрышах Достоевского в Бадене см.: «Воспоминания», стр. 161—162, письмо Достоевского к Майкову 28/16 августа 1867 г.—«Письма», II, стр. 29—30.

⁶⁵ Степан Дмитриевич *Яновский* (1817—1897), военно-медицинский инспектор Московского военного округа, муж артистки А. И. Шуберт, приятель Достоевского.

⁶⁶ Письмо Достоевского к А. Н. Сниткиной неизвестно.

⁶⁷ Семья сестры Достоевского Веры Михайловны Ивановой. М. Д. Достоевская с осени 1863 г. жила в Москве, где и скончалась 15 апреля 1864 г.

⁶⁸ Вероятно — последний перед смертью М. Д. Достоевской отъезд Достоевского в Петербург в середине февраля 1864 г. (28 февраля он вернулся в Москву и оставался там до смерти жены).

⁶⁹ Александр Павлович *Иванов* (1813—1868), врач Константиновского межевого института в Москве, муж В. М. Ивановой.

⁷⁰ Варвара Дмитриевна *Констант*. Первый муж М. Д. Достоевской — Александр Иванович *Исаев* (ум. 1855), губернский секретарь в Семипалатинске, затем в Кузнецке.

⁷¹ В переписке Достоевского с свояченицей В. Д. Констант упоминается Юрий Егорович — может быть, Комаров, о котором идет речь («Письма», I, стр. 339, 345).

⁷² Софья Дмитриевна *Констант*, гражданская жена Федора Акимовича Яковлева, помещика Псковской губ.

⁷³ Письмо Каткову неизвестно.

⁷⁴ Из указанных писем известно только письмо к С. А. Ивановой («Письма», II, стр. 42—45).

⁷⁵ Письмо 20—24 сентября 1867 г. см. в кн.: «Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы». Сб. 2, стр. 340; опубликована только часть письма, хранящаяся в Пушкинском Доме. Конец этого письма, хранящийся в ЛБ (ф. 93, II, 6. 42, л. 3), не был опознан при составлении «Описания рукописей Ф. М. Достоевского» (М., 1957, стр. 421) и описан там как отдельное письмо. Цитируемая А. Г. Достоевской фраза находится как раз в этой отделившейся части письма.

⁷⁶ Достоевский отмечал слабые стороны высоко ценившегося им в целом творчества Жорж Санд, в частности, в письме к Майкову 18 января 1856 г.: «Скажите, почему дама-писательница почти никогда не бывает строгим художником? Даже несомненный колоссальный художник George Sand не раз вредила себе своими дамскими свойствами» («Письма», I, стр. 167).

⁷⁷ Федор Михайлович *Достоевский* (1842—1906), племянник писателя, pianist, впоследствии владелец магазина музыкальных инструментов, директор саратовского отделения Русского музыкального общества.

⁷⁸ Отчеты о судебном процессе Умецких («Дело о дочери помещика Ольге Умецкой, обвиняемой в поджогах, и о родителях ее Владимире и Екатерине Умецких, обвиняемых в злоупотреблении родительской властью») Достоевский прочел, вернее всего, в «Голосе» 26—28 сентября 1867 г. (в «Московских ведомостях» отчет был напе-